

**ШЕДЕВРЫ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Михаил
Булгаков
Белая
гвардия

Москва
Издательство АСТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Момент рождения «Белой гвардии» Булгаков прекрасно помнил: «Я притянул насколько возможно мою казарменную лампу к столу и поверх ее зеленого колпака надел колпак из розовой бумаги, отчего бумага ожила, — вспоминал он в автобиографическом очерке „Мне приснился сон“. — На ней я выписал слова: „И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими“. Затем стал писать, не зная еще хорошо, что из этого выйдет. Помнится, мне очень хотелось передать, как хорошо, когда дома тепло, часы, бьющие башенным боем в столовой, сонную дрему в постели, книги и мороз. И страшного человека в оспе, мои сны. Писать вообще очень трудно, но это почему-то выходило легко».

Легкость оказалась мнимой. Первые наброски к роману были сделаны начинающим писателем в 1922—1923 годах — «в самый черный период» его жизни. Шел первый год жизни в Москве, куда Булгаков переехал из Владикавказа: голод, беспросветная нищета, сдельная работа за копейки, ни своего угла, ни внятных перспектив. Он даже не смог поехать

*Михаил
Булгаков*

в Киев на похороны матери в феврале 1922 года — не было денег на билеты.

И Булгаков отдал ей дань сыновней любви на страницах своего первого романа. Романа, в котором посвоему «отпел» — воспевая — сказочный мир своего детства, улицы своей романтической юности, уютные декорации интеллигентского быта, сохранившиеся только в его памяти. Все то, что безвозвратно ушло, сметенное ураганом революции и Гражданской войны. То, чего невыносимо, щемяще жаль.

Именно этот разрушительный ураган и становится главным двигателем действия в романе «Белая гвардия», задуманном как трилогия, но не дописанном, — так как на его публикацию в СССР писатель не рассчитывал. Киев конца 1918 года переживает очередную смену власти. Доживает последние дни Украинская держава, возглавляемая гетманом Павлом Скоропадским, в город вступают войска Директории во главе с Симоном Петлюрой.

Время в романе, сжатое писательской фантазией до трех дней, исторически охватывает 4-недельный период. Текст предельно насыщен — точной информацией, тысячью достоверных деталей, реальными приметамы эпохи (давшими пищу нескольким поколениям литературоведов), красками и ароматами времени. А главное — ощущением огромного маховика Истории, который слепо обрушивается на головы, не разбирая, кто прав, кто виноват.

Звезды Апокалипсиса, взошедшие в небе над Городом на первых же страницах, напоминают читателю, что на их глазах вершится не что иное, как Страшный суд, — старый мир гибнет, вытесняемый новым — как покажет время, еще более кровавым. Вселенская трагедия, помещаемая «мистическим романтиком» Булгаковым на улицы гибнущего Города, как это всегда бывает в жизни, соседствует с фарсом: чувство комического — естественное состояние писателя. «Оперетка» — так многими героями воспринимается происходящее. «Кровавая оперетка» — уточняет автор.

Театральность — вообще одна из характерных черт булгаковской прозы, впервые так масштабно разработанная на страницах «Белой гвардии». Дом Турбиных, во многом воссоздающий многолюдный дом Булгаковых на Андреевском спуске, — это маленький, уютно декорированный театр на большой сцене Истории. Тонущий корабль, пассажиры которого защищаются от стихии из последних сил — музыкой, литературой, искусством.

Виктория Горпинко

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

*Посвящается
Любови Евгеньевне Белозерской**

*Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями.
Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгнове-
ние темное небо смешалось с снежным морем.
Все исчезло.*

— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!

«Капитанская дочка»*

*И судимы были мертвые по написанному
в книгах согласно с делами своими...**

---

* Здесь и далее знаком «*» отмечены ссылки на комментарии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс*.

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины* не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед* наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?

Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом*, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин*, после тяжелых походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери* снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго*, что на Взвозе.

Когда отпевали мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна. Отец Алек-

сандр*, от печали и смущения спотыкающийся, блестел и искрился у золотеньких огней, и дьякон, лиловый лицом и шеей, весь ковано-золотой до самых носков сапог, скрипящих на ранту, мрачно рокотал слова церковного прощания маме, покидающей своих детей.

Алексей, Елена, Тальберг и Анюта, выросшая в доме Турбиной, и Николка*, оглушенный смертью, с вихром, нависшим на правую бровь, стояли у ног старого коричневого святителя Николы. Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему.

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через весь громадный город на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец*. И маму закопали. Эх... эх...

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску*, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский плотник»*, часы играли гавот*, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырячатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали

как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец*, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV*, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанскою Дочкою, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, — все семь пыльных и полных комнат, вырастивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены, плачущей, молвила:

— Дружно... живите.

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину, старшему — молодому врачу — двадцать восемь лет. Елене — двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, — тридцать один, а Николке — семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера*, и метет, и метет, и не перестает, и, чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром*. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воеет и воеет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

— Живите.

А им придется мучиться и умирать.

Как-то, в сумерки, вскоре после похорон матери, Алексей Турбин, придя к отцу Александру, сказал:

— Да, печаль у нас, отец Александр. Трудно маму забывать, а тут еще такое тяжелое время... Главное, ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...

Он умолк и, сидя у стола, в сумерках, задумался и посмотрел вдаль. Ветви в церковном дворе закрыли и домишко священника. Казалось, что сейчас же за стеной тесного кабинета, забитого книгами, начинается весенний, таинственный спутанный лес. Город по-вечернему глухо шумел, пахло сиренью.

— Что сделаешь, что сделаешь, — конфузливо забормотал священник. (Он всегда конфузился, если приходилось беседовать с людьми.) — Воля божья.

— Может, кончится все это когда-нибудь? Дальше-то лучше будет? — неизвестно у кого спросил Турбин.

Священник шевельнулся в кресле.

— Тяжкое, тяжкое время, что говорить, — пробормотал он, — но унывать-то не следует...

Потом вдруг наложил белую руку, выпростав ее из темного рукава ряски, на пачку книжек и раскрыл верхнюю, там, где она была заложена вышитой цветной закладкой.

— Уныния допускать нельзя, — конфузливо, но как-то очень убедительно проговорил он. — Большой грех — уныние... Хотя кажется мне, что испытания будут еще. Как же, как же, большие испытания, — он говорил все увереннее. — Я последнее время все, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности, конечно, больше все богословские...

Он приподнял книгу так, чтобы последний свет из окна упал на страницу, и прочитал:

— «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь»*.

«Посвящается Любови Евгеньевне Белозерской».

Любовь Евгеньевна Белозерская (1895—1987) — сестра милосердия, литературный редактор, литературный секретарь, вторая жена Михаила Булгакова. Именно ей, ее рассказам об эмигрантской жизни в Париже и Константинополе, писатель обязан замыслом и рождением пьесы «Бег». Кроме романа «Белая гвардия», Булгаков посвятил Белозерской повесть «Собачье сердце» и пьесу «Кабала святош».

Однако история посвящения «Белой гвардии» не так однозначна. Роман задумывался и создавался в тот период, когда спутницей жизни Михаила Афанасьевича, его настоящим ангелом-хранителем была его первая жена Татьяна Лаппа. Она прожила с Булгаковым самые тяжелые годы — спасала его от морфинизма, выхаживала, когда он болел тифом, бедствовала и голодала в первый год жизни в Москве. Именно ей роман и был посвящен изначально. Имя второй жены — Белозерской появилось в посвящении уже в 1925 году, когда готовилось издание романа отдельной книгой.

«Капитанская дочка».

Историческая повесть А. С. Пушкина, действие в которой разворачивается в период восстания Емельяна Пугачева, или Крестьянской войны 1773—1775 гг. Эпиграф настраивает на эпический лад (как и Пушкин, Булгаков стремился создать широкое историческое полотно) и, в то же время, на трагический: события, описанные в романе, своими масштабами превзошли восстание Пугачева и радикально изменили историю России.

*Любовь
Белозерская.
1920-е гг.*

*Татьяна
Лаппа*

Ж.-Л. Давид. Венера и грации обманывают Марса

«И судимы были мертвые...»

Цитата из Откровения Иоанна Богослова (20:12): «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими».

«...звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс».

В римской мифологии *Венера* — богиня не только красоты и плотской любви, но и плодородия и процветания. Пастушеской ее называли потому, что ее восхождение перед рассветом служило пастухам знаком: пора выпускать овец на пастбище. Венера, таким образом, воспринимается как покровительница крестьян. Противостояние воинственного Марса и крестьянской Венеры у Булгакова отражает социально-политическую ситуацию на Украине в 1918 году: охваченному войной Городу, под которым подразумевается Киев, противостоит украинское крестьянство, разоренное гетманом и немецкими интервентами.

«...старший сын, Алексей Васильевич Турбин...»

Алексей Васильевич Турбин наиболее близок Булгакову (который тоже был врачом-венерологом в описываемый период), наделен многими его чертами, однако это отнюдь не автопортрет.

---

*Вступление
немецких
войск
в Киев.
1918 г.*